

Павел Евдокимов

ЭТАПЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

*Памяти матери Женеьевы
из общины Граншан*

Paul Evdokimov

LES ÂGES DE LA VIE SPIRITUELLE

*Des Pères du désert
à nos jours*

Préface d'Oliver Clément

Théophanie

DESCLÉE DE BROUWER 1995

Павел Евдокимов

ЭТАПЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

*От отцов-пустынников
до наших дней*

Предисловие Оливье Клемана

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКАЯ
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКАЯ ШКОЛА
МОСКВА 2003

УДК 281.93:254.4

ББК 86.372

Е 15

Павел Евдокимов.

Е 15 Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней. [Пер. с франц. С. Зайденберга, М. Иорданской] — М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. — 232 с.

ISBN 5-89100-041-5

Книга Павла Евдокимова, представителя “второй волны” русского зарубежного православного богословия, профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже, впервые опубликованная в 1964 г. на французском языке, — прекрасное введение в аскетическую и мистическую традицию Православия.

Рассматривая этапы (“возрасты”) духовной жизни каждого человека в свете этапов духовного возрастания всего человечества и, особенно, проблем современности, обращаясь к наследию великих духовных течений христианства Византии, Сирии, Египта и России, автор пытается наметить и предложить современному человеку некий духовный метод — аскезу, которая была бы одновременно традиционна и созвучна нашему времени.

Книга обращена к широкому кругу читателей, как интересующихся духовной традицией древнего и современного христианства, так и желающих утвердиться в своем духовном пути.

Данный перевод французского издания книги “Этапы духовной жизни” Павла Евдокимова публикуется с согласия издательства *Desclée De brouwer*.

© Desclée De brouwer, 1995

© Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003

ISBN 5-89100-041-5

Оливье Клеман
ПРЕДИСЛОВИЕ

Павел Евдокимов

ЭТАПЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ — возможно, самое важное произведение Павла Евдокимова, наиболее способное своей напряженностью по-настоящему взволновать ищущего читателя, повернуть к Богу сомневающееся сердце. Евдокимов достигает здесь вершины мастерства. В свете поисков и тревог современного Запада он показывает самое устойчивое и плодотворное в православной духовности, можно сказать, самую ее суть. Он понимает Запад как ненасытимый поиск, как дающее иллюзию посвящения сошествие во ад: и именно там он показывает Христа — победителя ада, Его животворящий “кенозис”, Его жизнь, возникающую из смерти. Основная тема книги предстает таким образом как проблема реального, преобразующего духовного опыта в современном христианстве, как призыв распахнуть и воскресить желание, дабы оно стало “онтологической нежностью”. И если в наше время в восточных странах христианство было открыто отвергнуто, то на Западе ему исподволь угрожают подчас весьма утонченная редукция и широкое распространение атеизма. Действительно, для многих людей и даже, увы, членов Церкви, христианство сводится к верованию, все более и более приспособленному к современной ментальности (деизм снисходительного Бога и гуманизм Христа), к которому прибавляется главным образом социальная этика, поскольку необходимо “оправдать” индивидуума.

Однако великой православной традиции — патристики, паламизма и Добротолюбия — традиции более сдержанной, более последовательной и менее психологизированной, нежели западная мистика, известна духовность одновременно церковная и личная, “онтологическая”, способная объединить и

просветить всего человека, включая его тело и окружение. Цель Евдокимова — показать, как мы можем здесь и сейчас насытиться этой духовностью, на первый взгляд такой же далекой и неприступной, как утесы Афона... Духовная жизнь состоит из “этапов”, согласно предназначению не только отдельного человека, но и всего человечества¹. Будучи укоренен в Предании, Евдокимов ищет в нем разрешения проблем нашего времени и делает это в современных понятиях. В целом, речь идет о том, чтобы найти и преодолеть в принципиально евангельской перспективе, в познании-любви, данном для общения, а не для обладания (или слияния), то, что столь многие запутавшиеся западные люди — и среди них столь многие христиане — ищут в йоге, дзен-буддизме или “трансцендентальной медитации”, рискуя утратить чувство личности, или в космической магии “новых правых”, рискуя утратить чувство трансцендентности, т.е. подлинную человеческую свободу. Речь идет об обретении Церкви как таинства и как тайны.

В этой книге сходятся три основных темы. Во-первых, чтобы изгнать “стражей при дверях”, не допускающих столько людей доброй воли до Бога, Бога Живого, Евдокимов предлагает ответ на процесс, возбужденный современным атеизмом против Всемогущего, где Он обвиняется во всем мировом зле (и уж конечно за то время, что прошло с момента смерти Евдокимова, общество “потребления и любезности”, как называет его Доменак, значительно развилось; ему, кажется, более свойственно безразличие, чем атеизм, но нажмите слегка на такого “безразличного”, и из него посыплются все те же старые атеистические доводы, читай — антиатеистические, которые, перестав быть — по крайней мере в наших странах — принадлежностью интеллигенции, стали достоянием масс). В согласии с некоторыми греческими отцами и русскими религиозными философами Павел Евдокимов обращает особое внимание на то, что в самом творческом акте уже заключен определенный риск для Творца (это “Агнец, закланный от начала мира” из Апокалипсиса, прочитанного русской духовно-

¹ По-французски книга называется *Les Âges de la vie spirituelle*. Слово *Âge* может означать как определенный возраст в жизни человека, так и историческую эпоху, век. Русское “возраст”, которым обычно переводят это слово, не передает того диапазона, на котором и основано заглавие книги. Поэтому мы переводим его нейтральным словом “этап”. — Прим. пер.

стью). Он подчеркивает ту немощь, в которой совершается всемогущество, поскольку оно творит свободу. Бог становится уязвим вплоть до Креста. Предваряя и завершая в чисто богословской перспективе основную интуицию Рене Жирара, Евдокимов показывает в искуплении не жертвоприношение Сына Отцу, но воскрешение человечества из его трагического состояния победоносным “кенозисом” Великой субботы, в котором изменяется смысл самой смерти. Вновь появляется “агапический” аргумент Достоевского, доказательство бытия Божия бесконечным существованием любви, сокрытой в человеке, доказательство Бога через человека, который есть не что иное, как стремление к Нему. “Ты — Тот, Кого любит сердце мое”, — любил повторять П. Евдокимов вслед за одним из каппадокийских отцов...

Во-вторых, Евдокимов развивает в рамках обширной восточной аскетической традиции концепцию греха и, соответственно, спасения, которая многим покажется новой, — настолько морализм и “терроризм”, а затем антиморализм и психоанализ исказили эти понятия. Грех предстает как нарушение бого-человеческого и человеческого единства (в самом человеке и между людьми). Грех разделяет и замыкает в адском одиночестве; св. Макарию принадлежит образ осужденных, связанных спинами, так что они никогда не могут увидеть друг друга, обрести отвечающие друг другу во взаимной ответственности лица. Грех, говорит Евдокимов, это также та “болезнь духа”, о которой говорилось на VI Вселенском соборе, болезнь, которая разлагает душу и через нее — тело: распятый собственными противоречиями, грешный человек ненавистен сам себе, он трепещет от тоски небытия по “кратким вечностям наслаждения”, и грех, предоставляя простор для действия темных сил, отравляет человеческие отношения и саму космическую атмосферу. В этой перспективе спасение во Христе через “стяжание Духа Святого” предстает как новый способ существования, позволяющий божественным энергиям проникнуть все человеческое существо, как преодоление самого себя, в котором человек одновременно рассредоточивается — по отношению к эгоистическому индивидууму и соединяется — в причастии святыням и общении святых. Это действительно новое рождение, долгое выздоровление (которое для многих простирается за пределы смерти, в ожидание Парусии), лечение, в котором благодать Страстей позволяет нам преобразовать наши идолопоклоннические страсти

в страсть к Богу и ближнему... Церковные “таинства”, глубоко вошедшие в “метод” Добротолюбия, делают человека, как за св. Исааком Сириным повторяет Евдокимов, чувствительным к Воскресению и тем самым способным “реализовать” (в английском смысле слова) собственное воскресение в Воскрешем. Человек на пути исцеления, тот, кто не впадает в отчаяние, но припадает к ногам Христа, присутствующего даже в самых непроницаемых глубинах его внутреннего ада, постепенно становится человеком не просто регулярно участвующим в богослужении, но “литургическим человеком”, священником мира в алтаре своего сердца. Свидетель истинной жизни, он умеет принимать без осуждения, ему порой присуще освобождающее чувство отцовства, а иногда ему удается озарить культуру или общество настоящей поэзией спасения.

Средоточием книги является попытка наметить некий духовный метод — аскезу, которая была бы одновременно традиционна и созвучна нашему времени. В основном речь идет вовсе не о том — и здесь вполне раскрывается смысл заглавия книги, — чтобы повторять подвиги отшельничества и борьбы, определяющие всю силу первоначального монашества. В отношении разлагающейся языческой души, имманентной религиозности ближневосточного синкретизма — космической магии, отцы пустыни осуществили своего рода глобальный экзорцизм, и значение его сохранится навсегда. Отныне должно идти скорее по пути преображения, нежели отвержения. Кроме того, Евдокимов показывает, что изменился сам онтологический тип: традиционная аскеза работала на мощной жизненной силе, присущей обществам безмолвия и медлительности, и в отношении примитивных и грубых проявлений греха. Дерево уже существовало, его надо было лишь подрезать. Сегодня скорее существует необходимость его защитить, укрепить, вернуть ему двойную укорененность — в земле и на небе. Поскольку техническая цивилизация больших городов, постоянно обновляющихся изображений и звуков отрывает человека от жизненно необходимого, основного, требуется сперва пересоздать, умиротворить, углубить жизнь и не просто порвать с космосом, переполненным энергиями и магией, но и возобновить, как советовал Габриэль Марсель, “орфический” брачный договор с божественным творением, вновь обрести “любовь к жизни” и очарование бытия. Сегодня аскеза должна также учитывать более хрупкое, сложное и рассеянное состояние человека, грех, ставший более

чем когда-либо распадом души, искушением небытием, скукой и отчаянием (за которым неизбежно следует падение в пароксизм). Эти бездны (и эти пошлости) первым раскрыл Достоевский, он показал, что отныне они являются парадоксальным местом присутствия Христа: Того Христа, Который не поучает, но в тишине безмолвия излучает любовь, красоту, свободу. Евдокимов прилагает к этим прозрениям Достоевского всю русскую религиозную философию, раскрывает смысл слова “целомудрие” не как преимущественно сексуальное воздержание (брак также может быть “целомудрен”), но как целостность души, как собирание всего человеческого существа благодатью, как движение со Христом и в Нем, “от двойственности к единству” — так называется работа Рене Жирара, посвященная великому русскому писателю.

Описывая преобладающий ныне человеческий тип, Евдокимов особо отмечает возбуждение, переутомление, нервное истощение. Медицина продлевает жизнь, но в то же время ослабляет сопротивляемость страданию и нужде. В таких условиях человеку не требуется долористская аскеза, она лишь разрушила бы его. “Умерщвление плоти должно стать освобождением от всякой необходимости в дотинге: скорости, шуме, раздражителях... Аскеза скорее... дисциплина спокойствия и тишины, периодических и регулярных, в которых человек обретает способность остановиться для молитвы и созерцания даже в сердце всех шумов мира, и особенно — ощущать присутствие других...”

Так, человек призван уже сейчас вкусить Царство, ибо вечность во Христе начинается уже в мире сем. Он предчувствует, пусть мимолетно, словно огонь касается глубин его сердца (до тех пор, пока сердце не станет огнем), — тишину, мир, ласку божественного присутствия. И Павел Евдокимов цитирует Евагрия, дабы представить нам образ духовного человека:

*Он отделен от всего и со всем соединен;
Бесстрастный и преисполненный чувствительности,
Обоженный, он считает себя сором мира.
Более всего он счастлив,
Божественно счастлив...*

Истинных пророков называет История. В “Братьях Карамазовых” старец Зосима посылает послушника Алешу в мир. Павел Евдокимов, всегда несший на себе печать судьбы Алеши,

пишет “Этапы духовной жизни” и разрабатывает тему “внутреннего монашества”. Сегодня мы узнаем, что в России постоянно возрастающее число молодых людей, работая на предприятиях и оставаясь в миру, живут монашеской жизнью в целомудрии, самоуглубленности, неустанной молитве. Для различения с монашеством установленным, “черным”, это движение именуют “белым монашеством”. “Думаю, это явление беспрецедентно как по численности, так и по реальному значению”, — говорит свидетель¹. Черный — цвет долга, белый — преображения. “Этапы духовной жизни” могли бы стать уставом “белого монашества”.

Оливье Клеман

1 О. ВИТАЛИЙ БОРОВОЙ. *Свидетельство в Русской церкви* // SOP. 1979. Sept.-okt. № 41. P. 18.

С о д е р ж а н и е

<i>Оливье Клеман. Предисловие</i>	5
---	---

Введение	13
----------------	----

Часть первая

ВСТРЕЧА

I. Атеизм	23
II. Вера	48
III. Аспекты духовной жизни	55
IV. Опасности невежества и аскетическое искусство	59
V. Слагаемые духовной жизни	63
VI. О природе или о сущности духовной жизни	65
VII. Различные этапы духовной жизни	69

Часть вторая

ПРЕПЯТСТВИЕ И БОРЬБА

I. Отрицание зла и утверждение добра	75
II. Три аспекта зла и лукавый	81
III. Ад и инфернальное измерение мира	
<i>Иконография</i>	85

IV. Человеческое страдание	90
V. Весть Пятидесятницы	94
VI. Отцы пустыни	99
VII. Внутреннее монашество	
1. <i>Передача свидетельства</i>	116
2. <i>Универсальный характер монашеской духовности</i>	118
3. <i>Три искушения, три ответа Господа и три монашеских обета</i>	122
4. <i>Обет бедности во внутреннем монашестве мирян</i>	127
5. <i>Обет целомудрия</i>	129
6. <i>Обет послушания</i>	132
7. <i>Единство христиан и монашеская свобода</i>	134
VIII. Человеческое существо	135
IX. Аскеза духовной жизни	138
X. Аскетическое усилие	141
XI. Возрастание духовной жизни	143
XII. Страсти и механизм искушения	146

Часть третья

ХАРИЗМЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ. МИСТИЧЕСКОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

I. Эволюция духовности на Западе и на Востоке	155
II. Переход от Ветхого к Новому Завету	159
III. Харизмы в духовной жизни	
1. <i>Различение духов, бесстрастие, безмолвие, бодрствование, покаяние и смирение</i>	162
2. <i>Дар “радостного умирания”</i>	172

3. <i>Молитва</i>	178
Состояние молитвы	178
Ступени молитвы	179
Формы молитвы	181
Иисусова молитва	183
Литургическая молитва	185
Литургическая молитва, образец всякой молитвы	186
Трудности и препятствия	187
IV. <i>Lectio divina</i> , чтение Библии	190
V. Всеобщее священство мирян в восточной традиции	194
VI. Мистическое восхождение	209
<i>Оливье Клеман. О Павле Евдокимове</i>	219

И л л ю с т р а ц и и
(фрески церкви Успения
Пресвятой Богородицы
на Волотовом поле
близ Новгорода¹, XIVв.)

Стр. 14 — Нерукотворный образ на убрусе (над восточной подпружной аркой).

Стр. 22 — Богоматерь Знамение (замок западного свода).

Стр. 74 — Архангел Михаил (замок южного свода).

Стр. 154 — Пророк Давид (южная подпружная арка).

Стр. 217 — Сошествие Святого Духа (фрагмент). Изображение голубя на небесах (восточный люнет).

Стр. 220 — Крест (западная подпружная арка).

¹ Церковь была разрушена в годы Второй мировой войны.

ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ.
ЭТАПЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Перевод с французского
Семена Зайденберга и Марии Иорданской

Издание подготовили:

Выпускающий редактор *Лариса Мусина*
Ответственный за выпуск *Мария-Луиза Каячева*
Редактор *Галина Скаткина*
Оформление обложки, макет и верстка *Анны Данилевич*

Свято-Филаретовская московская
высшая православно-христианская школа
105062, г. Москва, ул. Покровка, 29
ИД № 01134 от 01.03.2000 г.

Подписано в печать 16.06.2003. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Каслон.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1500.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии Благотворительного
культурно-информационного центра
“Путь, Истина и Жизнь”
тел. (095) 742 7807